

The image features two anime-style male characters standing side-by-side against a cosmic background of stars and nebulae. The character on the left has short, spiky white hair and blue eyes, wearing a white military uniform with gold epaulettes and a blue crest on the chest. The character on the right has short, straight black hair and dark eyes, wearing a dark purple military uniform with gold epaulettes and a similar blue crest. Both uniforms have gold buttons and cuffs. The text is overlaid in a bold, red, serif font.

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

БИТВА УМОВ.
ФИЛОСОФ И
УЧЁНЫЙ

Сергей Патрушев

Битва умов. Философ и Учёный

«Автор»

2026

Патрушев С.

Битва умов. Философ и Учёный / С. Патрушев — «Автор», 2026

Глубокий интеллектуальный роман о споре физика Дмитрия и философа Алексея на пороге смерти. Дмитрий, создатель искусственного интеллекта «Оракул», ищет объективную истину в уравнениях, пытаясь исключить человека из картины мира. Алексей доказывает, что без наблюдателя наука мертва, а смысл рождается лишь в кривизне человеческого нарратива. Сквозь споры о квантовой неопределенности, энтропии и природе сознания проступает главный вопрос: может ли знание победить экзистенциальный ужас небытия?

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Первый контакт	5
Глава 2. Квантовый туман	11
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Битва умов. Философ и Учёный

Глава 1. Первый контакт

Сентябрьский дождь в Москве никогда не бывает просто водой. Это густая, серая взвесь, состоящая из выхлопных газов Садового кольца, меланхолии миллионов людей и липкой тоски по ушедшему лету. Она оседает на стеклах панорамного окна бара «Седьмое небо» матовой пленкой, превращая огни вечернего города в размытые кляксы желтого и красного света.

Алексей смотрел сквозь эту пленку вниз, на ползущие по эстакаде светящиеся гусеницы машин, и чувствовал привычное, почти физическое удовлетворение от собственной правоты. Напротив него, за низким столиком из темного дуба, сидел Дмитрий. Он методично вращал в толстых пальцах ножку пузатого бокала с односолодовым виски. Лед давно растаял, превратив благородный напиток в разбавленную теплую воду, но Дмитрий этого словно не замечал. Его взгляд был прикован к Алексею — тяжелый, изучающий взгляд физика-экспериментатора, привыкшего иметь дело с фактами, а не со словесной вязью.

— Ты путаешь карту с территорией, Леша, — наконец произнес Дмитрий. Голос у него был низкий, с легкой хрипотцой человека, который много говорит в гулких аудиториях. — То, что наши органы чувств несовершенны, еще не означает, что самой территории не существует.

— Я ничего не путаю, Митя, — Алексей мягко улыбнулся, переводя взгляд с мокрого стекла на друга. В свои сорок два года он выглядел моложе своих студентов: сухощавый, подвижный, с живыми, вечно смеющимися глазами философа-идеалиста. — Я лишь указываю тебе на фундаментальный дефект твоего зрения. Ты смотришь на карту через микроскоп и заявляешь, что видишь волокна бумаги, из которых соткана реальность. Но ты все равно остаешься внутри библиотеки. Ты заперт в пещере, старик. Как и я. Как и вон тот бармен, который думает, что крафтовый эль делает его жизнь аутентичнее.

Дмитрий поморщился и сделал глоток своего тепловатого виски. — Платоновская пещера — красивая метафора для первокурсников. Удобная ширма, чтобы оправдать нежелание пачкать руки о действительность. Мы сидим в этой пещере пять тысяч лет, глядя на пляшущие тени, и вдруг один парень решает выйти наружу. Ему выжигает глаза солнцем истины, он слепнет, плачет, но он выходит. А потом возвращается и начинает чертить чертежи того, что снаружи. Эти чертежи называются математикой.

— Чертежи теней, Митя, — подался вперед Алексей. — Вы научились предсказывать поведение теней с невероятной точностью. Ваша квантовая механика описывает вероятности нахождения электрона. Ваш термоядерный синтез работает потому, что ваши уравнения идеально описывают танец этих самых теней на стене. Но вы так ослеплены своим успехом, что поверили, будто ваш синхрофазотрон схватил Бога за бороду. Вы измеряете не мир. Вы измеряете свой собственный способ измерения мира.

Бармен, уловив нарастающее напряжение за столиком, ненавязчиво придвинул к ним тарелку с солеными орешками. Дмитрий проигнорировал ее. Он поставил бокал на столешницу с такой силой, что янтарная жидкость едва не выплеснулась через край.

— Хорошо, — сказал он, подаваясь навстречу Алексею. От него пахло озоном и дорогим табаком. — Давай спустимся с небес твоей платонической любви к абстракциям на грешную землю. Вот этот стакан. Стекло. Оно состоит из диоксида кремния. У него есть температура плавления. Если я сейчас возьму его и разобью о край стола, осколки порежут тебе руку. Боль будет реальной. Кровь будет объективной. Твоя субъективность закончится ровно в ту секунду, когда кусок стекла встретится с твоей лучевой артерией. Где здесь иллюзия? Где твоя хваленая субъективность?

Алексей даже не моргнул. Он медленно протянул руку, взял чистый, сухой бокал, из которого сам пил минеральную воду, и внимательно посмотрел на дно. — Прекрасный пример, — тихо проговорил он. — Идеальная иллюстрация моего тезиса. Смотри внимательно. Что ты видишь прямо сейчас?

— Я вижу идиота, который собирается разбить посуду в приличном заведении, — буркнул Дмитрий, но в его глазах мелькнул профессиональный интерес.

— Ты видишь стеклянный цилиндр, — продолжил Алексей, игнорируя реплику. — Прозрачный, гладкий, холодный на ощупь. Для тебя это объект материального мира, обладающий массой, плотностью и кристаллической решеткой. Для меня, как для существа, воспринимающего мир через биологическую оптику, это набор фотонов, отразившихся от поверхности, преломившихся в хрусталике и интерпретированных моим затылочным мозгом. Мой мозг доулавливает целостность стакана, хотя бинокулярное зрение дает мне две плоские проекции. Мой мозг додумывает цвет, хотя в темноте этот стакан станет невидимым куском материи. Прямо сейчас мой мозг фильтрует тысячи других сигналов — шум дождя, гул вентиляции, запах твоего парфюма, вкус соли на губах — чтобы удержать фокус на этом стакане. То, что мы называем «стаканом», рождается в темноте нашего черепа. Без наблюдателя нет стакана. Есть только возмущенное электромагнитное поле и набор элементарных частиц.

Он слегка наклонил бокал. Вода коснулась края. — А теперь самое интересное. Разобьем его. Ты говоришь: боль реальна. Безусловно. Но чья она? Моя ли?

Дмитрий молчал, прищурившись. Капелька пота стекла по его виску.

— Боль — это электрохимический сигнал, бегущий по афферентным волокнам в задние рога спинного мозга, оттуда в таламус, а затем в соматосенсорную кору, — голос Алексея стал гипнотическим, лекторским. — Мозг оценивает этот сигнал, сравнивает его с памятью о прошлых травмах, окрашивает его эмоциями страха или досады в префронтальной коре и выдает вердикт: «Мне больно». Субъективное переживание боли — *qualia* — абсолютно приватно. Я никогда не узнаю, является ли твое ощущение от порезанного пальца таким же, как мое. Может быть, то, что для тебя агония, для меня — легкое щекотание, просто твой мозг кодирует его иначе. Мы синхронизируем слова. Мы оба говорим «больно», потому что нас этому научили. Но за этим словом стоят два совершенно разных, изолированных вселенных опыта. Мы заперты, Митя. Абсолютно. Радар видит самолет, потому что радиоволна отражается от металла. Но радар не знает, какой формы самолет на самом деле. Он строит метку на экране. Зеленую точку. Для радара самолет — это зеленая точка. Для тебя самолет — это серебристая сигара в небе. Для математика — это вектор тяги и лобовое сопротивление. Кто из вас троих держит в руках «вещь в себе»? Никто. Вы держите удобные модели.

Дмитрий тяжело выдохнул и откинулся на спинку кресла. Он жестом подозвал бармена, дождался свежего бокала со льдом и щедрой порции Lagavulin. Руки у него чуть заметно дрожали — не от гнева, а от интеллектуального истощения. Этот спор они вели уже двадцать лет, со времен аспирантуры физфака МГУ, где Дмитрий грыз гранит науки, а Алексей писал диссертацию по философии Канта, сидя в соседнем читальном зале.

— Модели, которые позволяют нам строить мосты, которые не падают, — глухо сказал Дмитрий, глядя на пузырьки в своем новом бокале. — Модели, которые позволили создать вакцину, полететь в космос и расщепить атом. Если бы наша наука была просто красивой сказкой, полезной иллюзией, как ты выражаешься, она бы давала сбои. Случайные, непредсказуемые сбои. А она работает. Всегда. Дважды два всегда четыре, независимо от того, грустит ли вычислитель или радуется.

— Конечно, работает! — Алексей оживился, поймав друга на слове. — Потому что математика — это замкнутая логическая система. Правила игры определены аксиомами. Внутри системы дважды два обязано быть четыре, иначе рухнет вся архитектура. Это самосогласованность языка. Ты принимаешь язык за реальность. Это самая изящная ловушка сознания.

Представь программиста, который настолько поверил в реалистичность симуляции, которую сам написал, что решил, будто пиксели на мониторе открыли ему законы мироздания. Ваши константы — скорость света, постоянная Планка — это просто параметры движка вашей вселенной. Вы их замерили и восхитились своей точности. Но вы понятия не имеете, почему они именно такие. Почему гравитация не слабее в десять раз? Вы просто констатируете факт настроек. Это не открытие реальности. Это чтение файла конфигурации.

За соседним столиком громко рассмеялась компания молодежи. Звук показался обоим неуместно громким, чужеродным. Дмитрий залпом допил половину виски. Жидкость обожгла горло, возвращая его из холодных эмпиреев чистой мысли обратно в теплое нутро московской высотки.

— Ты демонизируешь научный метод, — сказал он, промокнув губы салфеткой. — Ты сводишь полеты Гагарина и телескоп Уэбба к разглядыванию внутренностей собственного черепа. Это интеллектуальный нарциссизм. Послушай... — он снова подался вперед, его лицо стало серьезным, почти просительным. — Завтра утром я еду в Протвино. На ускоритель. Мы будем сталкивать пучки свинца. Мы хотим увидеть кварк-глюонную плазму. Состояние материи, которое существовало микросекунду спустя после Большого взрыва. Понимаешь? Мы берем стабильную материю, разгоняем ее до околосветовых скоростей, заставляем столкнуться и разрушаем саму структуру пространства-времени на субатомном уровне. Мы буквально воссоздаем рождение Вселенной в лаборатории. Если завтра расчеты окажутся верными, если детекторы зафиксируют ожидаемый энергетический спектр... как ты объяснишь это своей философией? Как полезный самообман?

Алексей долго смотрел на друга. В тусклом свете бара резкие черты лица Дмитрия казались высеченными из камня. За ними стояла тяжесть реального железа, тонн сверхпроводящих магнитов, гигаватт потребляемой мощности и десятилетий труда тысяч людей. Философии нечего было противопоставить весу настоящего коллайдера.

— Я объясню это триумфом человеческого воображения, — тихо ответил Алексей. — Вы создали теорию. Из головы. Из символов на бумаге. Затем вы построили гигантскую машину, чтобы проверить соответствие мира этой теории. И вот чудо: мир ей соответствует. Означает ли это, что ваша теория и есть истина? Нет. Это означает лишь то, что модель оказалась функциональной. Паровоз отлично едет по рельсам, но это не значит, что железная дорога — единственно возможный способ перемещения духа. Завтра вы получите данные о кварк-глюонной плазме. Они идеально лягут на ваши графики. Вы получите Нобелевские премии. А послезавтра появится новый физик — возможно, юная девушка откуда-нибудь из Новосибирска — которая посмотрит на ваши идеальные графики и скажет: «Парни, вы всё считали неправильно. Спектр объясняется иначе, если допустить наличие пятого измерения, которое сворачивается вот так». И ваши безупречные факты рассыплются в прах вместе с учебниками. Факты существуют только внутри парадигмы. Томас Кун перевернулся бы в гробу от банальности моей речи, но это правда. Наука не приближается к абсолюту. Она просто меняет линзы в телескопе, делая картинку чуть менее размытой.

— Меняет линзы, пока картинка не станет идеальной, — упрямо возразил Дмитрий. — Пока разрешение не позволит рассмотреть Творца за работой, если он там есть.

— Или пока мы не упрямся в предел разрешающей способности самого инструмента наблюдения, — парировал Алексей. — Принцип неопределенности Гейзенберга. Вы сами доказали, что нельзя одновременно зафиксировать импульс и координату частицы. Сам акт измерения меняет систему. Наблюдатель неразрывно связан с наблюдаемым. Вы думали, что вы — боги, стоящие над лабораторным столом с пинцетом. А выяснилось, что вы — часть раствора в пробирке. Ваше присутствие искажает результат самим фактом вашего существования. О какой объективности тут может идти речь? Реальность съезживается от одного взгляда на нее.

Дмитрий закрыл глаза. Шум дождя за окном внезапно усилился, превратившись в сплошную стену воды, бьющую по стеклу. Город внизу окончательно утонул в серой мгле. Исчезли машины, исчезла эстакада. Осталась только эта комната, дубовый стол, запах мокрого асфальта, долетающий через вентиляцию, и два старых друга, зашедших в тупик, из которого нет выхода уже третье тысячелетие.

— Знаешь, чего я больше всего боюсь, Леша? — неожиданно спросил Дмитрий, не открывая глаз. Голос его потерял обычную академическую уверенность. — Не того, что мы живем в Матрице. И не того, что бога нет. Я боюсь, что мы действительно одни. Что Вселенная мертва. Огромная, пустая, равнодушная машина, работающая по слепым алгоритмам. И единственное место, где во всем этом бесконечном вакууме пульсирует смысл, горячая надежда и любовь — это эти полтора килограмма жира и нейронов у меня и у тебя в голове. Вся история искусств, религий, твои споры о Канте, мои бессонные ночи над формулами — это просто локальный перегрев процессора на окраине рядовой галактики. Объективная реальность безжалостна. В ней нейтронные звезды сталкиваются в абсолютной тишине, и никому нет до этого дела. Если я приму твою сторону... если я соглашусь, что всё это лишь интерпретации в нашей личной пещере... то тогда вообще ничего не имеет значения. Тогда можно выходить в окно. Зачем лечить детей, зачем искать бозон Хиггса, зачем писать стихи, если это просто биохимические реакции, замкнутые сами на себя?

В наступившей тишине было слышно, как позвякивает ложка в чашке кофе, которую нес через весь зал официант.

Алексей перегнулся через стол и положил свою сухую, прохладную ладонь поверх тяжелой, влажной руки физика.

— Именно поэтому ты никогда не примешь мою сторону, Митя, — очень мягко сказал он. — И именно поэтому ты настоящий ученый, а не бухгалтер от науки. Тебе отчаянно нужен смысл. Тебе нужна вера в то, что Большой взрыв произошел не зря. Твоя жажда объективности — это религиозный экстаз. Ты хочешь дотронуться до вечности.

Он убрал руку и слабо улыбнулся. — Ты боишься солипсизма. Боишься, что кроме твоего сознания ничего нет. Успокойся. Другие люди слишком хорошо мешают в это поверить. Когда бармен уронит поднос, мы вздрогнем оба, одинаково. Наши пещеры пересекаются. Наши субъективности находят общие точки сборки. Мы называем это интересубъективностью. Мы договариваемся. Твой стакан разобьется, и мы оба согласимся, что он разбился. Этого достаточно для жизни. Более чем достаточно.

Но этого недостаточно для физики, — закончил Алексей уже серьезнее. — Вам нужно большее. Вам нужно верить, что закон всемирного тяготения существовал до Ньютона и будет существовать после гибели Земли. Что он вплетен в саму ткань бытия.

Дмитрий открыл глаза. Взгляд его прояснился. Он посмотрел на руку Алексея, затем на свой бокал.

— Пусть так, — кивнул он. — Пусть это моя личная форма религии. Но моя религия требует доказательств. Мне мало договориться с барменом. Мне нужно знать, почему лед в этом бокале тает при нуле градусов Цельсия, и будет ли он таять так же в туманности Андромеды.

— Будет, — усмехнулся Алексей. — Потому что условия задачи те же. Параметры среды, давление, состав воды. Вы блестяще описали правила шахматной партии. Вы знаете, как ходит конь, и можете рассчитать партию на тридцать ходов вперед. Но вы упорно делаете вид, что доска, фигуры и само игровое поле возникли сами по себе, а не были кем-то придуманы. Вы великолепные игроки, Митя. Лучшие за всю историю этой пещеры. Но вы забыли посмотреть на потолок.

Дмитрий криво ухмыльнулся и поднял бокал. — За потолок, — сказал он. — За игроков, — отозвался Алексей, касаясь своим бокалом его.

Хрусталь издал тонкий, певучий звон.

Они молчали минут десять. Каждый думал о своем, но оба смотрели в одну точку — туда, где на черной полировке стола лежала маленькая лужица пролитой воды, идеально круглая, отражающая в себе тусклую лампу бара. Для Дмитрия это была капля H₂O, подчиняющаяся силам поверхностного натяжения. Для Алексея — идеальный образ эйдоса круга, мимолетная победа порядка над хаосом сырого дерева.

Первым нарушил молчание Дмитрий. — Ладно, — вздохнул он, доставая из внутреннего кармана пиджака смартфон. Экран ярко вспыхнул во тьме, осветив его уставшее лицо. — Допустим, ты прав. Допустим, мы в пещере. Но информация извне все равно проникает внутрь. Тени становятся сложнее. Раньше тень от костра была просто пятном. Потом стала силуэтом оленя. Теперь это рентгеновский снимок двойной звезды. Информация становится плотнее, чище. Вопрос только в пропускной способности канала.

Он быстро пролистал экран, нашел нужный контакт и нажал вызов. Поднес телефон к уху. — Алло, Сереж? Да, я еще в городе... Нет, ничего не отменяется. Будь на связи завтра в восемь утра. Мне нужно, чтобы ты лично проследил за калибровкой торцевых калориметров перед стартом... Да, я помню про статистическую погрешность. Просто стой рядом с инженером и не давай ему пить кофе. Спасибо.

Закончив разговор, он убрал телефон. Лицо его снова стало собранным, линии вокруг рта обозначились резче. — Восемь утра, — повторил он, взглянув на часы. — Калибровка займет часов шесть. Значит, в четырнадцать по Москве мы начнем охлаждение колец. Еще через двенадцать часов пойдет первый пучок.

— Мир будет спасен? — с легкой иронией спросил Алексей. — Мир получит новую порцию данных, — серьезно ответил Дмитрий. — Очередной кадр из фильма, который мы пытаемся смотреть, отвернувшись от экрана. Но знаешь, что? Кадры становятся четче. Скоро мы развернемся.

— Или сгорим от яркости проектора, — добавил философ.

Дмитрий оставил на столе несколько купюр, придавив ими счет. Сумма значительно превышала стоимость выпитого, но ни один из них не обратил на это внимания.

Они вышли в холл башни «Федерация». Здесь царил стерильная прохлада, пахнувшая озоном и дорогими кондиционерами. За огромными, идеально чистыми стеклами лифтов Москва превратилась в абстрактную картину импрессиониста — сплошные вертикальные полосы дождя, подсвеченные неоновыми трассирующими выстрелами фар.

— Вызвать тебе такси? — спросил Дмитрий, шагая к дверям служебного лифта, ведущего на подземную парковку. Его походка изменилась — стала упругой, целеустремленной. Спор закончился, началось время действия. — Я пройду, — Алексей остановился у панорамного окна в коридоре. — Мне полезно проветрить голову. Проветрить пещеру.

Дмитрий обернулся. Впервые за весь вечер на его лице появилась настоящая, теплая улыбка, лишенная всякого сарказма. — Береги свою субъективность, Леша, — сказал он. — Судя по всему, это единственное, что у нас действительно есть.

Двери лифта бесшумно сомкнулись, скрыв физика. Алексей остался один посреди мраморного блеска стоэтажной высоты. Он подошел вплотную к стеклу. Холод панели приятно остужал ладони.

Где-то там, далеко внизу, под толщей облаков, жил город. Миллионы людей сейчас включали телевизоры, ругались с близкими, любили друг друга, варили суп и ложились спать. Каждый из них был уверен в прочности пола под ногами и в том, что кирпич падает вниз, а не улетает в стратосферу. Их коллективная галлюцинация работала безупречно. Она называлась «нормальностью».

Алексей прижался лбом к холодному стеклу, закрыв глаза. Он представил себе огромный металлический кольцевой туннель под подмосковной землей. Вообразил невыносимый вой криогенных насосов, удерживающих вакуум. Представил потоки тяжелых ионов свинца,

разогнанных до безумных скоростей, мчащиеся навстречу друг другу в крошечной тьме. Два луча абсолютной смерти, созданные человеческим разумом, стремящимся доказать самому себе, что смерть — это тоже часть объективного, познаваемого плана.

«Удачи, Митя», — подумал он, зная, что друг его не услышит. — «Надеюсь, завтрашняя тень окажется достаточно интересной, чтобы ты продержался еще пару десятилетий. Кто-то же должен продолжать показывать фокусы остальным узникам. Иначе в пещере станет совсем скучно».

Он оттолкнулся от окна и пошел к лестнице. Дождь снаружи продолжал монотонно переписывать Москву заново, смывая вчерашний день, чтобы подготовить холст для новой, столь же призрачной и настойчивой реальности.

Глава 2. Квантовый туман

Утро в Протвино пахло озоном, холодной пылью и застарелым металлом. Дмитрий любил этот запах больше, чем аромат дорогого односолодового виски или французских духов жены. Это был запах чистой работы, запах мира, лишённого двусмысленности человеческих отношений.

Комплекс Ускорительно-накопительного комплекса (УНК) встретил его гулкой тишиной бетонного кольца диаметром полтора километра. Над головой нависал исполинский свод туннеля, опутанный венами кабелей охлаждения и магистралями криогенного азота. Здесь, на глубине шестидесяти метров под подмосковным лесом, закон всемирного тяготения казался лишь досадной помехой, которую инженеры обходили с помощью магнитных подвесок.

Дмитрий подошел к пульту управления главной инжекционной системы. Мониторы светились ровным, успокаивающим зеленым светом. Графики давления в вакуумной камере лежали идеально прямыми линиями. Детекторы молчали, ожидая команды.

— Сергей, статус? — бросил он молодому инженеру, который тер покрасневшие глаза у соседней консоли. — Кольцо герметично, Дима. Температура сверхпроводящих магнитов стабильна, минус двести шестьдесят девять и три. Мы готовы подавать пучок, — отозвался тот, не отрываясь от графиков.

Дмитрий кивнул. Он положил ладони на прохладный пластик пульта. Перед ним была клавиатура, вводящая параметры столкновения. Энергия, плотность частиц, угол отклонения. Чистая математика. Вчера вечером, споря с Алексеем о природе реальности, он чувствовал себя уязвимым, словно философ задел какие-то глубинные предохранители его психики. Но здесь, среди этих машин, уязвимости не было. Была только причинно-следственная связь.

Он набрал команду инициализации. Внутри туннеля что-то тихо, басовито загудело. Это оживали квадрупольные линзы, фокусирующие поток тяжелых ионов свинца.

Вселенная детерминирована, думал Дмитрий, глядя на ползущую шкалу загрузки ускорителя. Она похожа на гигантский бильярдный стол размером с космос. Если бы мы знали координаты и импульс каждого атома в момент Большого взрыва, если бы наш вычислитель обладал бесконечной мощностью, мы могли бы рассчитать положение каждой песчинки на Марсе через миллиард лет. Прошлое определяет будущее абсолютно. Нет места чуду. Нет места случайности. Есть только колоссальная, непостижимая сложность траекторий.

Его палец завис над клавишей «Пуск».

В кармане завибрировал телефон. На экране высветилось фото Алексея — тот стоял на фоне осеннего Нескучного сада, щурясь против солнца, и выглядел до неприличия довольным жизнью. «Ну как там поживает лапласовский демон? Тени пляшут по расписанию?» — гласило сообщение.

Дмитрий усмехнулся, но улыбка вышла жесткой. Ему захотелось ответить жестко, фактами. Показать другу язык машины, которая сейчас начнет творить физику. «Запускаю Большой взрыв номер два. Объективность загружается», — напечатал он. Ответ пришел мгновенно: «Не забудь проверить, свободен ли твой палец нажать кнопку. Или это просто сработала цепь нейромедиаторов, заложенная еще в кембрии?»

Дмитрий опустил руку с телефоном. Слова Алексея всегда действовали как микроскопическая доза яда, замедляющая рефлексy. Свобода воли. Самая раздражающая химера человеческого сознания.

С точки зрения физики ее не существовало. Нейробиологи давно доказали: мозг принимает решение за несколько секунд до того, как сознание осознает его как свое собственное. Электроды, приложенные к моторной коре, предсказывают движение руки испытуемого раньше, чем сам испытуемый говорит: «Я решил поднять руку». Ваше драгоценное "Я" — это

всего лишь пресс-секретарь, который задним числом придумывает убедительные оправдания действиям, совершенным глубинами темной материи мозга. Вы думаете, что ведете машину. На самом деле машина ведет вас, а вы просто смотрите кино в лобовом стекле и хлопаете в ладоши, когда поворот удался.

Но вчера Алексей зацепился за квантовую механику. За неопределенность Гейзенберга. И эта мысль теперь жужжала в голове Дмитрия, как назойливая муха.

Он снова посмотрел на пульт. Классическая механика макромира неумолима. Но внутри тех ионов свинца, которые он сейчас собирался разогнать, царит вероятностный хаос. Электрон не вращается вокруг ядра по четкой орбите. Он существует как облако вероятности. Мир внизу построен не из стальных шариков, а из тумана. Означает ли этот туман свободу?

— Пошел первый пакет, — доложил Сергей. — Инжектор отработал штатно.

На центральном мониторе вспыхнула осциллограмма. Синусоидальный импульс чистого тока вошел в линейный ускоритель. Миллиарды протонов и ядер свинца начали свой путь.

Дмитрий включил общую связь по кольцу. — Внимание всем постам. Начинаю цикл разгона. Полная мощность через сорок минут. Никаких отклонений параметров. Работаем чисто.

Он переключил тумблер, подавая напряжение на первые секции дрейфовых трубок. Гудение усилилось, переходя в низкий, давящий на барабанные перепонки тон. Частицы набирали скорость.

Если мир детерминирован, то любовь — это просто сложный танец гормонов. Искусство — удачная конфигурация синапсов, закрепленная эволюцией для лучшей социализации стаи приматов. Муки совести Дмитрия после спора с Алексеем — это биохимический шторм, вызванный когнитивным диссонансом, избытком кортизола и падением уровня серотонина. Вся человеческая культура со всеми ее Достоевскими, Шекспирами и Гагариными — это просто очень красивый, причудливый способ рассеивания тепла во Вселенной согласно второму закону термодинамики. Тепловая смерть наступит, и последним звуком остывающей Вселенной будет эхо финального аккорда Девятой симфонии Бетховена, сыгранного ради соблюдения баланса энергии.

Эта картина должна была пугать, но Дмитрию она приносила странное, мазохистское успокоение. Если ты шестеренка, то тебе не нужно принимать решений. Шестеренка не ошибается. Она либо крутится, либо ломается. Ответственность исчезает вместе со свободой.

— Дима, сектор четыре-Б дает флуктуацию поля, — голос Сергея вырвал его из размышлений. — Отклонение ноль-ноль-три Гаусс. В пределах допуска, но...

— Выведи на мой экран тепловую карту магнита, — приказал Дмитрий.

Мигнули графики. Четвертый сектор выделялся едва заметным теплым пятном. Нагрев в доли градуса. Для классического инженера — статистический шум. Для физика высоких энергий — потенциальная точка декаплинга. Место, где пучок может выйти из-под контроля магнитного поля и ударить в стенку криостата, испарив несколько миллионов долларов оборудования за микросекунду.

Дмитрий нахмурился. Его пальцы забегали по клавиатуре, запуская алгоритм коррекции. Система автоматического регулирования начала плавно увеличивать ток в соседних катушках, чтобы компенсировать просадку. «Вот оно, — подумал он с внезапным холодком. — Я меняю траекторию миллиардов частиц одним нажатием клавиши. Мой разум анализирует хаос и навязывает ему порядок. Где тут место детерминизму?»

Телефон снова завибрировал. «Туман сгущается, Митя. Ты пытаешься править миром уравнений силой мысли. Каково быть богом в механической вселенной?» — писал Алексей.

Дмитрий со злостью швырнул телефон на стопку распечатанных лог-файлов. Аппарат скользнул по пластику и упал на резиновый коврик. Алексей бил в самое больное. В гордыню исследователя. Каждый ученый втайне считает себя демиургом. Они берут мертвый камень,

колдуют над ним в лабораториях, и камень начинает петь, лечить или убивать. Разве это не свобода воли? Способность изменять ход вещей вопреки изначальному сценарию природы?

Нет, ответил сам себе Дмитрий. Это тоже сценарий. Моя потребность нажимать кнопки, мое любопытство, моя злость на тебя прямо сейчас — все это звенья одной цепи, уходящей в первичный бульон. Мое желание исправить четвертый сектор продиктовано страхом провала, карьерными амбициями и инстинктом сохранения вида, требующим успешного эксперимента. Я не выбираю хотеть успеха. Я просто хочу его. Химия.

— Вводим коррекцию по оси Y , — сказал он вслух, обращаясь скорее к самому себе, чем к Сергею. — Плюс пять миллирадиан. Компенсируем тепловой дрейф четвертого сектора.

Пучок частиц в виртуальной модели на экране послушно сместился, огибая опасную зону. Красная линия траектории стала изумрудно-зеленой — идеальной. Машина подчинялась. Вселенная подчинялась математике.

И вдруг Дмитрия пронзила ледяная игла ужаса. А что, если нет? Что, если квантовая неопределенность — это не просто предел нашего измерения, как считал Эйнштейн? Старый Альберт всю жизнь пытался пробить дыру в квантовой механике фразой «Бог не играет в кости». Он искал скрытые переменные. Те самые недостающие данные о скорости и положении шара, которые вернули бы миру его бильярдную предсказуемость.

Но эксперименты Аспекта, Белла и последующих поколений закрыли эту лазейку. Скрытых переменных нет. Природа действительно случайна в своей основе. Когда радиоактивный атом распадается, ничто во Вселенной не знает точного мгновения этого события. Оно происходит *просто так*. Без причины.

Свобода воли фундаментальна? — спросил внутренний голос, подозрительно похожий на интонации Алексея. — Что, если твоя душа — это просто макроскопическое проявление квантового шума в микротрубочках нейронов? Пенроуз верит в это. Оркестрованная объективная редукция. Квантовая спутанность в мозге создает окно, сквозь которое проникает нематериальное решение. Выбор, не обусловленный прошлым.

Дмитрий потер воспаленные глаза. От недосыпа и напряжения перед глазами поплыли цветные пятна. Если это правда, то вся наука рассыпается. Физика построена на воспроизводимости. Эксперимент должен давать один и тот же результат при одинаковых условиях. Но если в основании процесса лежит истинная, нефальсифицируемая случайность... значит, нажимая одну и ту же кнопку дважды, я могу получить разные вселенные. Значит, реальность ветвится каждое мгновение. Копенгагенская интерпретация превращается в многомировую интерпретацию Эверетта.

Где-то в параллельной ветви миров инженер Сергей забыл проверить давление, пучок взорвал туннель, и эксперимент стоимостью в годовой бюджет страны пошел прахом. А где-то в другой ветви Дмитрий вообще не стал ученым. Он послушал отца и пошел управлять мебельной фабрикой в Рязани. Там он счастлив. Там нет экзистенциальной тошноты от понимания собственной иллюзорности. Там он просто строгает доски.

— Дима, у нас проблема серьезнее, — голос Сергея прозвучал неожиданно высоко, почти панически. — Сектор семь-Д. Резкий скачок сопротивления. Криогеника падает!

Дмитрий вскинул голову. Сонливость и философские метания вымело из головы адреналиновым ударом. На главном мониторе мигал багровый алерт. Давление в секторе семь-Д поползло вверх. Вакуум нарушался. Где-то лопнул стык трубы жидкого гелия.

— Стоп-машина! — рявкнул Дмитрий, вбивая комбинацию экстренного сброса. — Магнитный сброс пучка! Дуговые ловушки в готовность!

Палец вдавил большую красную кнопку на панели. Процесс, занимавший месяцы подготовки, оборвался за долю секунды. Мощные магниты синхронно изменили полярность, создавая силовое поле, перпендикулярное движению частиц. Сгусток тяжелых ионов, несущий энергию небольшого артиллерийского снаряда, вместо того чтобы врезаться в мишень, вылетел в

специальную поглощающую плиту — массивный блок карбида вольфрама в конце туннеля. По корпусу станции прошла тяжелая вибрация, звук удара напоминал выстрел корабельного орудия. Свет на секунду моргнул.

Наступила звенящая тишина, прерываемая только воем аварийной вентиляции, откачивающей испаряющийся гелий.

Сергей сидел белый как мел, вцепившись в подлокотники кресла. — Что это было? — прошептал он.

Дмитрий уже бежал к терминалу диагностики. Его движения были резкими, точными. Никакой медлительности. — Пробой изолятора, — бросил он, считывая коды ошибок. — Семь-Дэ-восемнадцать. Старье. Я говорил Степанову весной менять весь узел. Он сэкономил.

Он схватил трубку внутренней связи. — Бригада ремонтников в седьмой сектор. Живо. Костюмы высшей защиты. У нас утечка около сорока литров эквивалента. Эвакуируйте нижний ярус западного крыла.

Закончив отдавать приказы, Дмитрий тяжело оперся руками о холодный металл терминала и закрыл глаза. Сердце колотилось где-то в горле. Только что они были на волосок от катастрофы. Огромная, сложнейшая система чуть не уничтожила сама себя из-за крошечного дефектного уплотнителя ценой в сто рублей. Из-за коррозии металла, которой подверглась прокладка под воздействием естественной влажности почвы.

Естественной влажности. Которая возникла из-за дождей этой осенью. Которые шли потому, что циклоны столкнулись над Атлантикой определенным образом. Потому что температура мирового океана поднялась на полградуса из-за выбросов заводов. Заводы построили люди, руководствуясь экономической выгодой, которая диктовалась политическими решениями, принятыми под влиянием войн, порожденных борьбой за ресурсы, возникшую из-за распределения материи после Большого взрыва...

Цепочка замкнулась. Даже этот аварийный останов был предопределен. Тот самый изолятор должен был лопнуть именно сегодня, в восемь четырнадцать утра, потому что молекулы меди и резины в нем двигались именно так последние десять лет.

Дмитрий почувствовал приступ головокружения. Он выпрямился и посмотрел на свое отражение в черном глянце выключенного экрана. Осунувшееся лицо, щетина, красные глаза. Взгляд сумасшедшего.

— Я схожу с ума, — тихо сказал он отражению.

Телефон на стопке бумаг зажужжал снова. На этот раз пришло уведомление от внешнего датчика, подключенного к лабораторному серверу: «Статус узла 7-Д: критический отказ. Причина: статистическая усталость материала».

Статистическая усталость. Вероятность отказа росла экспоненциально каждый день эксплуатации. Математика смерти. Дмитрий медленно достал собственный разбитый аппарат. Руки дрожали. Он разблокировал экран. Последнее сообщение Алексея висело открытым. «Каково быть богом в механической вселенной?»

Раньше он бы написал что-то язвительное. Сейчас пальцы сами набрали ответ: «Она перестала быть механической, Леша. Механизмы протекают. Случайность течет сквозь трещины».

Он отправил сообщение и сунул телефон обратно в карман. Подошел к панорамному окну операторской, выходящему в тоннель. Массивные двери шлюза были закрыты, но сквозь толстое бронестекло виднелись контуры огромных синих катушек. Они больше не сияли мертвенным светом сверхпроводимости — теперь это были просто куски тяжелого, холодного металла.

Мир перестал быть часами. Часы можно разобрать, смазать и собрать заново. Мир оказался заросшим болотом. Вы можете проложить по нему гать из формул и теорий Стандартной

модели, но под вашими ногами все равно будет хлюпать непредсказуемая, живая грязь квантового вакуума.

Свобода воли как ошибка мозга? Возможно. Дмитрий вспомнил лекции по нейрофизиологии. Либетовский потенциал готовности. Решение созревает в подсознании. Но квантовая механика подбрасывает другую идею. А что, если свобода воли — это не ошибка, а *шум*? Необходимый генератор белого шума, встроенный в систему, чтобы избежать заикливания?

Эволюция могла пойти по пути жестких алгоритмов. Жук всегда ползет на свет. Бактерия всегда делится при достижении массы. Но человек столкнулся с задачами, где жесткие алгоритмы ведут в тупик. Чтобы выжить, иногда нужно поступить нелогично. Броситься спасать чужого ребенка. Написать картину, которая никогда не будет продана. Поверить в бога, которого нельзя взвесить на весах.

Возможно, наша иллюзия выбора — это защитная оболочка для фундаментального квантового генератора случайных чисел, сидящего в ядре нашей личности. Мы думаем, что решаем. На самом деле мы просто позволяем Вселенной бросить кости нашими руками. Но разве бросок костей — это не единственный доступный нам акт свободы в мире причинности? Мы не контролируем выпавшее число, но мы инициировали падение.

— Дмитрий Андреевич, — осторожно позвал Сергей. — Ремонтная группа на месте. Просят разрешения начать резку блока.

Дмитрий повернулся. Лицо инженера выражало смесь страха и безграничного доверия. Сергей смотрел на него как на капитана корабля. Он не видел ни сомнений, ни философии. Он видел человека, который знает, что делать.

И в этот момент Дмитрий принял решение. Настоящее, волевое решение, которое не имело никакого отношения к температуре окружающей среды или уровню сахара в его крови.

— Нет, — твердо сказал он.

Сергей замер с занесенной над клавиатурой рукой. — Что? Но протокол требует немедленного устранения утечки. Каждая минута простоя стоит... — Мы не будем варить его здесь, — перебил Дмитрий. Голос его звучал непривычно спокойно, отрезвляюще. — Если мы начнем аргоновую сварку рядом с остаточным давлением гелия, любая искра превратит сектор в объемный взрыватель. Мы заварим людей внутри.

Он обошел пульт и встал рядом с Сергеем. — Вызывай монтажный кран. Мы вытащим весь модуль 7-Д целиком. Разгерметизируем крыло полностью, выровняем давление и вытянем его в сервисный шлюз. Это займет двенадцать часов вместо двух. Степанов будет в ярости, проект сдвинется на сутки. Мне плевать. Делаем так.

Сергей несколько секунд молчал, переводя взгляд с лица начальника на схему узла. Затем понимание отразилось в его глазах. Он медленно выдохнул, снимая внутреннее напряжение. — Понял, — кивнул он. — Вызываю кран. Хорошее решение, Дима. Безопасное.

Дмитрий ничего не ответил. Он смотрел на свои руки. Обычные человеческие руки с коротко стриженными ногтями и въевшейся металлической пылью. Решение было безопасным. Логичным. Оптимальным с точки зрения выживания персонала. Любой учебник по технике безопасности подтвердил бы его правоту.

Но почему он выбрал его? Почему в тысячный раз за свою карьеру он выбрал более длинный, дорогой и трудный путь безопасности, хотя карьера требовала скорости? Экономические стимулы говорили об обратном. Административное давление говорило об обратном. Весь детерминированный мир толкал его нажать кнопку быстрого ремонта.

Но какая-то часть его — та самая, что вела споры с Алексеем до рассвета, та, что боялась стать просто программой, — сделала выбор. Был ли этот выбор результатом сложной игры нейромедиаторов? Безусловно. Его префронтальная кора оценила риски, миндалина заблокировала страх перед гневом начальства, гиппокамп подтянул воспоминания о прошлых авариях. Биохимия сошлась в нужной точке.

Но разве химия перестает быть волей только потому, что ее можно описать формулой? Если музыка Баха — это просто колебания воздуха, становится ли она от этого менее божественной?

Дмитрий взял со стола распечатанную схему ускорителя. Он развернул огромный лист ватмана на пустом столе оператора. Бумага пахла горячим принтером. — Дай мне красный маркер, — попросил он Сергея.

Инженер подал маркер. Дмитрий начал рисовать. Он не исправлял ошибку. Он чертил новую архитектуру кольца. Обходной путь. Дополнительный шунт, который позволит отключать любой сектор автономно, не рискуя всей машиной. Идея пришла внезапно, вспышкой, кристаллизовавшись из утреннего хаоса мыслей.

Это не было прописано в бюджете. Этого не было в планах института на ближайшие пять лет. Это рождалось прямо сейчас, из столкновения идеалистической философии друга и грязной физической реальности рвущегося металла.

— Позвони в конструкторский отдел, — не поднимая головы от чертежа, сказал Дмитрий. — Скажи, пусть поднимаются ко мне. У них есть двадцать минут, прежде чем я пойду пить кофе. И захватите свежий кофе сюда. Латте. Две ложки сахара.

Он впервые за утро искренне улыбнулся.

Алексей открыл дверь своей квартиры в старом кирпичном доме на Ленинском проспекте ровно в тот момент, когда городской полдень разрезал небо надвое — половина осталась пасмурной, а вторую залило неожиданное, резкое октябрьское солнце.

Квартира встретила его запахом старых книг, пылицы засохших пиастров в вазе и одиночества. Философ прошел на кухню, поставил чайник и прислонился лбом к холодному кафелю стены. Спор с Дмитрием не отпускал его. Более того, он приобрел новое, тревожное измерение.

Обычно физик служил для Алексея удобным антагонистом — воплощением слепой веры в материальность. Но вчерашний звонок и сегодняшние сообщения показали трещину. Дмитрий испугался. Не аварии на ускорителе — их у него были десятки. Он испугался собственного бессилия перед лицом статистики.

Философия легко рассуждает о свободе воли, сидя в кресле. Но когда многотонная машина науки оказывается на грани разрушения из-за копеечной детали, возникает соблазн поверить в рок. Фатум. Предопределение.

Зазвонил городской телефон. Редкий, почти забытый звук в эпоху мессенджеров. Алексей вздрогнул. — Да, слушаю. — Он вытащил модуль, — раздался в трубке голос Дмитрия. В нем не было привычного металла. Скорее, слышалась глубокая, глухая усталость. — Никого не пришибли краном. Вакуум держат. — Я рад, — осторожно сказал Алексей. — Ты поэтому звонишь? Хочешь, чтобы я похвалил твои технические навыки? — Я звоню, потому что я отменил график на завтра, — сказал Дмитрий. — Степанов рвал и метал, обещал уволить. Я послал его. Сказал, что пока мы не пересчитаем всю систему пассивной безопасности, я к пушкам не подойду. Знаешь, сколько это стоит? Каждый час простоя этой адской машины? — Несколько миллионов, — машинально ответил Алексей. — Именно. Я спустил эти деньги в унитаз своим решением. Добровольно. Меня никто не заставлял. Моя зарплата не вырастет от лишнего дня безопасности. Мой индекс цитирования упадет, потому что публикация результатов задержится. Все мои рациональные мотивы... исчезли.

Дмитрий сделал паузу, видимо, прихлебывая воду. — И вот я сижу в кабинете, смотрю на чертеж новой схемы охлаждения, которую нарисовал полчаса назад, и понимаю одну вещь. Если бы я был чистым компьютером, я бы выбрал быстрый ремонт. Алгоритм минимизации потерь подсказал бы именно его. Но я выбрал долгий. Я внес иррациональность в математическую модель. Я создал проблему на пустом месте.

Алексей молчал, сжимая теплую трубку. Чайник на кухне щелкнул, отключаясь. Пар заполнил помещение. — Это называется ответственностью, Митя, — наконец произнес он. — Или эмпатией. Страх убить рабочих перевесил страх перед выговором. Это сложная биология, но вполне детерминированная. — Перестань, — устало перебил Дмитрий. — Не прячься за биологией хоть сейчас. Ты хотел знать, есть ли свобода воли? Я не знаю. Но я знаю, что такое творческий акт. То, что я нарисовал на схеме — этого не было в пространстве возможных вариантов час назад. Это родилось из ничего. Из противоречия между твоими словами о пещере и моим желанием видеть реальные частицы. Это синтез. Чудо соединения несоединимого.

— Творчество — это рекурсия, — возразил Алексей, доставая из шкафчика чашку. — Мозг способен смотреть на собственные процессы мышления. Змея кусает себя за хвост. Тебе кажется, что ты создаешь новое, но на самом деле твоя нервная система просто обрабатывает входящие данные уникальным, ранее не задействованным способом. Уникальность не равна свободе.

— К черту уникальность, — голос Дмитрия стал жестче. — Речь о субъекте. О том, кто испытывает угрызения совести. Совесть — это полезный социальный механизм, скажешь ты. Ладно. Но почему тогда мне физически больно думать о том, что я мог ошибиться? Боль от ошибки в прошлом, которой уже не изменить. Какой в этом эволюционный смысл? Зачем эволюции тратить энергию на поддержание программы самоедства, если проще создать робота, который просто делает выводы из логов?

Алексей налил кипятка в заварочный чайник. Запах бергамота поплыл по кухне. — Боль — это учитель, Митя. Очень дорогой учитель. Твоя боль сегодня гарантирует, что завтра ты трижды проверишь изоляторы. Программа самосохранения использует время как переменную. Она наказывает тебя в настоящем за возможные угрозы в будущем.

— Тогда почему я чувствую вину перед куском железа? — спросил Дмитрий. — Этот ускоритель пытается меня убить своей поломкой, а я злюсь на Степанова за жадность и переживаю за судьбу самого кольца, которое пострадало от старости. Железо не чувствует боли. У него нет будущего. Моему детерминированному мозгу должно быть наплевать на железяку. Но мне не наплевать.

Повисла пауза. Алексей слышал в трубке дыхание физика и далекий гул моторов базы. — Это антропоморфизм, — сказал философ тише. — Проекция. Ты наделяешь машину свойствами живого, потому что строил ее годами. Она — продолжение твоего тела. Потеря ускорителя для тебя равносильна потере пальца. Опять-таки, чистая биология привязанности.

— А любовь? — внезапно спросил Дмитрий. Вопрос повис в воздухе кухни Алексея тяжелым, плотным предметом. — Моя жена. Моя дочь. Если я люблю их только потому, что их гены идеально подходят для продолжения моего рода, а гормоны заставляют меня вырабатывать окситоцин в их присутствии... то почему, когда я смотрю на спящую дочь, мне хочется плакать? Окситоцин не объясняет слез. Слезы — это избыточность. Система перегружена красотой. Где в твоей детерминированной вселенной место для красоты, Леша? Для эстетического переживания, которое никак не помогает мне выживать? Сидя в той операторской, глядя на застывший пучок, я испытал нечто вроде благоговения. Перед мощью. Перед равнодушием материи. Эстетика страха. Какая ей цена в джоулях?

Алексей сел за стол, прижимая плечом телефон к уху. Солнце окончательно победило облака, и яркий квадрат света лег на деревянный пол его кухни, осветив пылинки, танцующие в луче.

Красота. Вечный камень преткновения материалистов. Физики умеют описывать спектр излучения звезды, но формула спектра никогда не даст ощущения восторга от созерцания Млечного Пути летней ночью над Байкалом.

— Это побочный продукт распознавания образов, — сказал Алексей, но слова прозвучали жалко даже для него самого. — Наш мозг эволюционировал, чтобы находить закономер-

ности. Лицо в облаках, леопарда в траве. Те особи, чей мозг умел поражаться сложности узора на крыльях бабочки или переливам воды, лучше замечали и реальную опасность. Восторг от сложности — это ложная тревога системы безопасности.

— Как удобно всё объяснять, — горько усмехнулся Дмитрий. — Ты превращаешь чудо в глюк антивируса. Послушай себя, Леша. Ты защищаешь механистичность мира с таким жаром, будто от этого зависит твоя жизнь. Почему тебе так страшно допустить, что хотя бы капля происходящего — это чистый произвол? Что Дмитрий Назаров сегодня утром просто взял и поступил хорошо, потому что так захотел? Без выгоды. Без гормонального фона. Просто потому, что вектор его воли указал в эту сторону.

— Потому что произвол убивает знание! — не выдержал Алексей, повышая голос. — Если причина может отсутствовать, если событие может произойти беспричинно, то наука невозможна! Ваш хваленый метод строится на повторяемости. Если электрон решит полететь вправо просто потому, что у него хорошее настроение, ваша физика заканчивается. Наступает магия. Хаос. Безумие. Я ненавижу детерминизм не меньше твоего, Митя. Мысль о том, что каждое мое слово, каждая моя мысль записаны в исходном коде Вселенной, вызывает у меня тошноту. Но альтернатива страшнее. Альтернатива — это распад. Если воли свободны и ничем не ограничены, то мир — это драка богов в тесной комнате. Порядок держится только на цепях необходимости.

Они оба замолчали, тяжело дыша в микрофоны. Два старых гладиатора, уставших наносить удары. Луч солнца дополз до края стола Алексея. Стало темно.

— Цепи... — повторил Дмитрий задумчиво. — Интересный образ. Знаешь, что самое забавное в квантовой запутанности? Две частицы могут находиться на разных концах галактики. Изменишь спин одной — вторая изменится мгновенно. Ньютону это казалось мистикой, действием на расстоянии. Эйнштейну — ужасом. «Жуткое дальное действие». Информация не может двигаться быстрее света. Но она движется. Связь сохраняется вне времени и пространства.

— К чему ты это? — устало спросил Алексей. — К тому, что твои цепи, возможно, натянуты совсем не там, где ты их видишь, — ответил Дмитрий. — Мы ищем свободу воли внутри черепной коробки. А что, если субъект — это не мозг? Что, если мозг — это просто антенна? Модем? Квантовая природа сознания может означать, что наше «Я» распределено. Оно связано с чем-то большим. И наша свобода — это степень натяжения этой связи.

Алексей закрыл глаза. Идея была безумной. очередной попыткой затянуть старую удавку религии новыми терминами из журнала Nature. Но сопротивляться ей становилось всё труднее. Особенно здесь, в тихой квартире, пропитанной запахом чая и пыли, в то время как глубоко под землей его друг сражался с бездной, пытаясь найти в ней смысл.

— Это красивая сказка, Митя, — сказал Алексей. — Панпсихизм. Удобная метафора. Но антенне нужен сигнал. Кто вещает? — Никто, — быстро ответил Дмитрий. — Сигнал и есть антенна. Субъект и объект — одна система. Вот почему ваши философские ножницы режут по живому. Нельзя вынуть наблюдателя из формулы и ждать, что формула останется прежней.

— И поэтому ты рисуешь новые схемы безопасности? — тихо спросил Алексей. — Чтобы доказать, что ты — плохой приемник, но хороший редактор сигнала? — Я рисую их, потому что могу, — сказал Дмитрий. — В этом единственная свобода, в которой я уверен. В способности сказать «нет» очевидному ходу событий. Степанов ждет покорности. Машины ждут включения. История моей лаборатории ждет завтрашнего пуска. А я говорю «нет». Я вставляю палку в колесо детерминизма. Пусть это палка бюрократии и трусости, но она меняет траекторию.

— Любое действие меняет траекторию, — вздохнул Алексей. — Даже падение листа. — Лист падает по ветру, — парировал Дмитрий. — Я рублю дерево. Почувствуй разницу.

Дмитрий снова замолчал. Алексей слышал, как на том конце провода кто-то прошел по коридору, громко стуча подошвами ботинок по бетону. — Мне пора идти, — сказал физик.

— Нужно проверить расчеты крана. Масса модуля превышает расчетную нагрузку стрелы на восемь процентов. Придется укреплять опоры. Еще одно глупое, иррациональное решение, которое создаст кучу проблем. — Будь осторожен, Митя. — Осторожность — это тоже форма детерминизма, Леша, — усмехнулся Дмитрий. — Попытка продлить линию жизни. Я лучше буду неосторожным. Свободным.

Щелчок отбоя. Короткие гудки.

Алексей долго сидел в темноте кухни, глядя на остывающий чай. Воздух стал густым и неподвижным. Разговор не принес победы никому. Дмитрий нашел утешение в акте бунта — бессмысленном, дорогостоящем, но дающем иллюзию авторства. Алексей остался при своем: этот бунт был прописан в структуре нейронов Дмитрия еще до его рождения.

Он поднялся, подошел к книжному стеллажу, занимающему всю стену кабинета. Провел пальцем по корешкам. Кант. Гегель. Хайдеггер. Витгенштейн. Целая армия мертвых бойцов, пытавшихся штурмовать ту же самую крепость.

Он достал потрепанный том «Критики практического разума». Раскрыл наугад. *«Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это звездное небо надо мной и моральный закон во мне».*

Алексей горько усмехнулся. Звездное небо Дмитрий успешно препарировал своими магнитами. А моральный закон... Моральный закон сегодня утром отказался экономить время и деньги, рискуя карьерой ради куска металла и нескольких жизней незнакомых рабочих.

Философ отнес книгу на место. Подошел к окну и прижался лбом к стеклу, точно так же, как вчера в баре. Внизу текла обычная московская жизнь. Дворники сметали листья. Мамаша толкали коляски. Мужчина в костюме ругался по телефону, меряя шагами тротуар.

Каждый из них был уверен в своей исключительности. Каждый полагал, что его следующий шаг — это плод глубокого внутреннего порыва. Они лавировали в потоке пешеходов, сталкивались, извинялись, принимали решения. Город представлял собой титаническую сеть взаимодействующих волей, сплетающихся в единый узор пробки на Садовом кольце.

Алексей смотрел на мужчину в костюме. Тот резко развернулся и быстрым шагом направился к метро. Был ли этот разворот свободным? Или нейроны мужчины просто отреагировали на уровень уличного шума, превысивший допустимый порог раздражения?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.